Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.05.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-4-368-374

ЗАРУБИНА Кристина Александровна,
к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
e-mail: kris1996z@mail.ru

ГАЙДАРЖИ Владислав Артёмович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gaidarzhivladislaw@yandex.ru

КАВЕРИН Кирилл Романович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: kaverinkirill22@gmail.com

«С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ» ИЛИ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ «БЛАТНОЙ» МУЗЫКИ, КАК ЭЛЕМЕНТА КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ, В РОССИИ

Аннотация*. В настоящей статье даётся анализ процессу эволюции «блатной» песни, как элемента отечественной криминальной субкультуры. Целью исследования является получение криминологического знания о генезисе «блатной» музыки, как неотъемлемой части криминальной субкультуры и современном влиянии данного элемента на общество. Для достижения цели в исследовании решаются следующие задачи: определить время и условия зарождения «блатной» музыки в России, как части криминальной субкультуры; проанализировать эволюцию «блатной» песни в системе отечественной криминальной субкультуры на разных этапах развития государства; оценить состояние современной «блатной» музыки в системе криминальных ценностей и определить её влияние на российское общество. Использованы следующие методы научного познания: сравнительный, исторический, а также методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации. В ходе исследования установлено, что впервые «блатная» песня утвердилась в системе криминальных ценностей отечественного преступного сообщества в конце XIX – начале XX в. Первоначально такие произведения составлялись в местах лишения свободы и отражали обычаи и традиции высшего криминалитета. В советское время, несмотря на усиление цензуры, «блатная» музыка получает новое развитие, как особый жанр в системе уголовного фольклора. В современности прерогатива на создание и воспроизведение «воровских» песен исключительно криминальными элементами, занимающими высокое положение в преступной иерархии, утрачена, и «блатная» музыка стала особо распространена уже не только в преступной среде, но и среди законопослушных граждан. В связи с этим определено, что «блатная» песня, как неотъемлемый атрибут криминальной субкультуры, сегодня особо активно оказывает негативное влияние на общество, в том числе на членов социума, подверженных внешнему воздействию, например, несовершеннолетних, ввиду чего современность обязывает государство уделять пристальное внимание ограничению такого влияния «блатного» творчества на народные массы.*

Ключевые слова*: криминальная субкультура, «блатная» песня, «блатная» музыка, уголовный фольклор, преступник, профессиональная преступность, криминальный профессионализм.*

Благодарности: *НИР подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».*

ZARUBINA Kristina Aleksandrovna,
Ph.D. in History, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law

GAIDARZHI Vladislav Artyomovich,
student of South-West State University

KAVERIN Kirill Romanovich,
student of South-West State University

«WITH A SONG FOR LIFE» OR THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF «THUG» MUSIC AS AN ELEMENT OF CRIMINAL SUBCULTURE IN RUSSIA

Annotation. *This article analyzes the process of evolution of the «thug» song as an element of the domestic criminal subculture. The aim of the research is to obtain criminological knowledge about the genesis of «thug» music as an integral part of the criminal subculture, and the modern influence of this element on society. To achieve this goal, the following tasks are solved in the study: to determine the period and conditions of the origin of «thug» music in Russia as part of the criminal subculture; to analyze the history of the development of «thug» songs in the system of the domestic criminal subculture; to assess the state of «thug» music in the modern system of criminal values and determine its impact on Russian society. The following methods of scientific cognition are used: comparative, historical, as well as methods of analysis, synthesis, generalization and systematization. The study found that for the first time the «thug» song was established in the system of criminal values of the domestic criminal community in the late XIX – early XX century. Initially, such works were compiled in places of detention and reflected the customs and traditions of the highest criminals. In Soviet times, despite increased censorship, «thug» music received a new development as a special genre in the system of criminal folklore. In modern times, the prerogative to create and reproduce «thieves» songs exclusively by criminal elements occupying a high position in the criminal hierarchy has been lost, and «thug» music has become especially widespread not only in the criminal environment, but also among law-abiding citizens. In this regard, it is determined that the «thug» song, as an integral attribute of the criminal subculture, today has a particularly active negative impact on the whole society, including members of society exposed to external influence, for example, minors, which is why modernity obliges the state to pay special attention to limiting such influence of «thug» creativity on folk the masses.*

Key words: *criminal subculture, «thug» song, «thug» music, criminal folklore, criminal, professional crime, criminal professionalism.*

Acknowledgements: *The research was prepared within the framework of the strategic academic leadership program «Priority – 2030».*

Криминальная субкультура традиционно определяется как искажённая система традиций, обычаев, ценностей, правил поведения, сформированная преступным сообществом, образ жизни, принятый в криминальной среде. Она находится в тесной взаимосвязи с культурой общества, а также различными социальными процессами, происходящими в нем. По справедливому утверждению исследователя И.М. Мацкевича, криминальная субкультура представляет собой слоёный пирог, где «каждый слой выглядит, как субкультура определённых групп, занятых конкретной криминальной деятельностью» [1, с. 11].

Отметим, что субкультура преступной среды – это ещё и сложноорганизованная система со своими характеристиками, особой структурой. Сегодня выделяют следующие неотъемлемые элементы криминальной субкультуры: криминальную идеологию, нравственность, образ жизни, организацию, криминальный культ; блоки – поведенческие (клятвы, правила и традиции), экономические (воровской общак»), коммуникативные (татуировки, клички, жаргон), стратификационно-стигматические элементы (делящие преступников по иерархии), сексуально-эротические ценности (половые извращения, проституция, порнография), особое отношение к своему здоровью, алкоголизм, употребление токсических и наркотических веществ, как средство для сплочения группировок [1, с. 12–14, 24]. Иные исследователи акцентируют внимание на других составляющих, относя к элементам криминальной субкультуры, в первую очередь, иерархию преступников; нормы, обычаи и традиции преступного мира; уголовный жаргон; татуировки, клички преступников; методы шифровки и распространения важной для преступников инфор-

мации; своеобразные клятвы и ритуалы; стиль одежды, манеры поведения и многое другое [2, с. 36–41].

Отдельно подчеркнём, что важным элементом криминальной субкультуры является уголовный фольклор, представляемый современными исследователями, как антипод традиционного фольклора, который использует его особенности, формы, сюжеты, встраиваясь в него и заражая своей аморальностью. При этом сверхзадачей уголовного фольклора, свойственного в большей мере не «традиционному» уголовному миру, а именно профессиональному преступному сообществу – «главному» транслятору криминальной субкультуры – является передача в некой «непринуждённой» форме от одного поколения преступников-профессионалов к другому значимых для данной криминальной среды ценностей, обычаев, норм и т.п., продуцируя дальнейшее само воспроизведение и само детерминирование профессиональной преступности [3, с. 46–53].

Анализируя развитие уголовного фольклора, отметим, что одной из основных форм его выражения является песня, воспроизводящая ценности преступного мира и имеющая продолжительную историю зарождения и развития, как важнейшего внешнего элемента криминальной субкультуры. Общеизвестно, что ещё в дореволюционный период в России одновременно с формированием профессионального преступного сообщества появляются первые творческие произведения (песни), повествующие о криминальном образе жизни «профессионалов». Так, например, известный правовед Л.С. Белогриц-Котляревский писал, что при государе Алексее Михайловиче в XVII в. сложился особый социальный порядок, в котором разбойники, скитающиеся по степям и постоянно совершающие преступления, воплощали в себе образ свободной жизни русского простолюдина, и именно этот образ нередко становился сюжетом народных песен [4, с. 4, 15–16]. Однако пока эти произведения не имели ничего общего с профессиональным преступным миром, поскольку «творцом» таких песен был народ, а сами песни, восхваляющие криминальный образ жизни, не имели устойчивой связи с профессиональным криминалитетом и преступной средой.

Настоящего расцвета уголовный фольклор и вместе с ним и преступная песня в России достигает в конце XIX – начале XX в. – время, когда профессиональное криминальное сообщество становится замкнутым, высоко консолидированным объединением, имеющим устойчивое положение в преступной среде. Именно с этим временем современные исследователи связывают окончательное формирование в преступном мире и криминальной субкультуры, как важнейшего признака криминального профессионализма, а вместе с ней и её неотъемлемых атрибутов, в том числе уголовного фольклора – преступной песни.

Примечательно, что родоначальниками будущей, так называемой, «блатной» песни являются каторжане – лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы на каторжных работах в течение продолжительного периода времени. Общеизвестно, что ссылка на каторгу, по справедливому утверждению современников, не «исправляла» преступников, а лишь «укореняла» в них желание совершать новые преступления. Так, министр Юстиции Российской империи Н.В. Муравьёв, оценивая исправительную функцию каторжных работ этого периода, заключал, что такие места лишения свободы лишь поддерживают и «вновь зарождают преступления», поскольку освободившийся преступник ещё больше в данных условиях приобщается к ценностям и нормам криминальной субкультуры и выходит из мест заключения более «испорченным и беспомощным» [5, с. 73].

Именно в таких местах заключения (преимущественно в Сибири) уголовный фольклор получает значительное распространение, что вызывает серьёзный научный интерес среди исследователей российской культуры. Так, известный отечественный музыковед, фольклорист В.Н. Гартевельд в 1908 г. во время поездки в Сибирь предпринимает одну из первых попыток собрать музыкальные записи ссыльных каторжан и политических заключенных. В 1909 г. 12 предварительно обработанных песен были им записаны на пластинки, а в 1915 г. им была выпущена брошюра «Песни каторжан» с текстом композиций [6, с. 2–10]. Эти произведения были пропитаны духом обречения, безнадёжности и безысходности. Среди названий песен каторжан обращают на себя следующие наименования: «Ах, ты доля», «Посреди палат каменных», «Вопль узников», «Зачем я мальчик уродился», «Кандальный марш», «Плач», «Идёт он усталый» и другие. В них особое внимание уделяется непростой доле профессиональных преступников и их тяжёлой жизни в условиях заключения. В целом, в начале XX в. в России было издано примерно сто сборников стихов и песен, посвящённых преступному образу жизни и неволе.

После событий Октябрьской революции 1917 г. криминальное «творчество» получило ещё большую распространённость [3, с. 46–52]. Советские исследователи-культурологи в связи с этим даже стали выделять отдельный тип таких песен (по среде распространения данных произведений), именуя их «блатными» или тюремными

[7, с. 59–65]. Считается, что приставка «блатные» начала добавляться к некоторым элементам криминальной субкультуры, таким как песня или музыка, в целом, именно в 1920-е гг., когда профессиональный преступный мир стал ещё более консолидированным и структурированным, а среди «профессионалов» начали выделять настоящую криминальную элиту – «воров в законе» – «истинных» носителей ценностей, норм и внешней атрибутики криминальной субкультуры [8, с. 66–69].

Отметим, что в советский период уголовный фольклор получил новый импульс развития, что обусловлено уже не только продолжительными сроками заключения в местах лишения свободы, но и тяжёлыми условиями жизни в учреждениях системы ГУЛАГ. При этом мощным проводником криминальной субкультуры, по справедливому замечанию исследователя Т.А. Фетисовой, в советский период стала интеллигенция, прошедшая «сталинские лагеря» и «вкусившая» привлекательность инакомыслия и свободы, в связи с чем трансляторами криминальной субкультуры выступают в этот период не только профессиональные, но и политические преступники [9, с. 161–170].

Со временем преступная песня становится неким проводником, средством приобщения «традиционных» уголовников к ценностям и нормам жизни представителей высшего профессионального криминалитета, транслятором криминального опыта. Советская «блатная» музыка со временем приобретает всё большую поэтичность, хотя сюжеты уголовного фольклора, в целом, не отличаются разнообразием. Нередко в таких «блатных» песнях описывалась жизнь профессионального преступника, «воровские» законы, а базовый конфликт в произведении заключается в противопоставлении мира профессиональных преступников всему остальному. При этом содержание песен такого рода, по-прежнему, наполнено обречённостью, агрессией и борьбой преступников с жизненными препятствиями [10, с. 75–84]. И несмотря на запрет творчества такого рода, в самой криминальной среде «блатная» музыка получает значительное распространение [11, с. 121].

В постсоветский период «блатная» музыка ввиду провозглашения демократических принципов и свободы творчества начала переживать новый расцвет [12, с. 7–12]. Согласно отдельным экспертным оценкам, в начале 2000-х гг. на радиостанции «Шансон» (одной из ведущих и активно развивающихся радиостанций центрального региона Российской Федерации) в отдельные эфирные дни «блатные» песни, так называемой, «лагерной» тематики 1940-60-х гг. занимали до 92 % вещательного времени в наиболее слушаемые часы радиоэфира. При этом для заполнения эфира использовались не только «старые» записи, но и обработанные и заново исполненные «блатные» аудио произведения [13, с. 150].

На особую распространенность «блатной» песни в современности также указывает тот факт, что в настоящее время исследователи стали даже особо выделять преступную лирику, как составную часть криминальной субкультуры (эмоциональный элемент), подчёркивая, что она чаще всего выражается именно песнями и реже различного рода стихотворениями и небылицами [14, с. 80]. Однако такая «блатная» музыка в постсоветское время стала особо распространена уже не только в преступной среде, но и среди народных масс, а прерогатива на создание и воспроизведение «воровских» песен исключительно криминальными элементами, занимающими высокое положение в преступной иерархии, была утрачена.

Характерным для современного периода стало, по справедливому замечанию исследователя А.И. Гурова, также активное приобщение не просто широких народных масс к такому творчеству, но и, в первую очередь, несовершеннолетних, молодёжи, вследствие чего стала чётко прослеживаться романтизация преступного образа жизни, героизация преступников-профессионалов в среде подрастающего поколения. Воздействие на аудиторию слушателей оценивается как значительное, и такое эмоционально-информационное воздействие стало активно помогать криминальному миру в условиях отсутствия жесткой цензуры «вербовать» своих новых «рекрутов». В результате этого возник эффект подмены традиционных духовно-нравственных ценностей ценностями и нормами криминальной субкультуры в наиболее неустойчивой социальной среде – в среде молодёжи [15]. Причём эта подмена в настоящее время обществом уже не воспринимается как нечто отрицательное и непозволительное. Хотя аккумулирование таких антиценностей в массовом творчестве в конечном итоге, по справедливому замечанию современных исследователей, приводит к негативным последствиям в виде создания привлекательного образа жизни не просто «традиционных» уголовников, но и профессиональных преступников [16, с. 62–65; 17, с. 173–176].

На необходимость ограничения влияния такого контента на граждан и, в первую очередь, на несовершеннолетних, как на «кадровый резерв» профессиональной преступности, в настоящее время указывают не только исследователи-теоретики [18, с. 332–340; 19, с. 9–16], но и законотворцы. Так, например, в законопроекте №

1009841-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации предусматривалось ввести ограничение доступа граждан к сайтам в сети Интернет, романтизирующим образ жизни преступников, в том числе посредством использования криминального творчества. Другим законопроектом № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры» предлагалось пресечение дальнейшего распространения ценностей криминальной субкультуры в информационной среде посредством предоставления Роскомнадзору России во внесудебном порядке права блокировать сайты, контент которых формирует представление о привлекательности криминального образа жизни.

Так, в обоих законопроектах предусматривалось ограничение доступа к информационным ресурсам, пропагандирующих ценности криминальной субкультуры, в том числе к уголовному фольклору. Представленные законопроекты были отклонены вследствие выявления ряда недостатков, например, недостаточно разработанного с научно-практической точки зрения понятийного аппарата, используемого в документации. Однако разработанная в данных проектах проблематика необходимости активизации борьбы с «распространителями» криминальной субкультуры (особенно среди молодёжи) в условиях активной подмены традиционных духовно-нравственных ценностей антиценностями криминального сообщества, культивируемых, в том числе в уголовном фольклоре, заслуживает положительной оценки. Это даёт основание заключить, что направление противодействия пропаганде ценностей и норм криминальной субкультуры, выражаемых в различных формах (в том числе в форме уголовного фольклора – музыкальном творчестве преступников), по-прежнему, актуально и требует тщательной проработки и решения на законодательном уровне во избежание дальнейшей криминализации молодёжной среды в условиях всеобщей информатизации общества, повышения доступности к различным информационным ресурсам и расцвета внешней атрибутики криминальной субкультуры.

Таким образом, можно заключить, что криминальная субкультура, постоянно эволюционируя, находит свое отражение в многочисленных внешних атрибутах преступного мира. Криминальные традиции включают в себя широкий круг неформальных норм поведения, в числе которых татуировки, своеобразная манера поведения, лексика, символика, клички, а также «блатные» песни. Зародившись в конце XIX – начале XX в. в России «блатная» музыка, как элемент криминальной культуры, прошла продолжительный путь развития. Первоначально, являясь элементом субкультуры замкнутого преступного сообщества «профессионалов», «блатная» песня являлась транслятором преступных ценностей, обычаев, норм и правил поведения, а также образа жизни профессионального уголовника, функционирующим исключительно в преступной среде. В дальнейшем – в постсоветский период – «блатная» музыка «вышла» из преступной среды «профессионалов» и стала восприниматься большей частью общества, как часть массовой культуры, отличающейся своим жанровым направлением, но не утратила своей функции передачи криминальных ценностей и норм другим поколениям, что в условиях активного утверждения масс-культуры вызывает серьёзную обеспокоенность. При этом проблема ограничения распространения криминальной субкультуры в обществе до настоящего времени, несмотря на принимаемые попытки, не нашла должного решения и отражения в отечественном законодательстве. Ввиду этого считаем необходимым дальнейшую проработку данного вопроса и решения его на федеральном уровне посредством внесения изменения в действующее отечественное законодательство с целью ограничения распространения подобного творческого контента – «блатных» песен и прочих атрибутов криминальной субкультуры, имеющих большое смысловое наполнение. Находим это особо важным во избежание вовлечения в профессиональную преступную деятельность не просто «традиционных» преступников, склонных к общественно опасному поведению, но и законопослушных граждан (прежде всего, подрастающего поколения), увлечённых внешними атрибутами криминальной жизни, в том числе «блатной» музыкой, и переставших разделять «реальный» и творческо-криминальный мир, в котором преступники предстают героями и романтиками, ведущими борьбу со «злом», противопоставляющими себя всему миру и, непременно, в конечном итоге, предстающими победителями этого противостояния.

Список литературы:

[1] Мацкевич, И. М. Мифы преступного мира / И. М. Мацкевич. – Москва: Проспект, 2014. – 365 с.

[2] Шалагин, А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность / А. Е. Шалагин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (2). – С. 36–41.

[3] Шалагин, А. Е., Тюремный фольклор в контексте криминальной субкультуры / А. Е. Шалагин, О. Н. Хрусталева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 46–53.

[4] Белогриц-Котляревский, Л. С. О воровстве и краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Выпуск 1 / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Киев. – 1880. – 380 с.

[5] Гуров, А. И. Красная мафия / А. И. Гуров. – М.: Коммерческий вестник, 1995. – 352 с.

[6] Гартевельд, В. Н. Песни каторги. Песни сибирских каторжан, беглых и бродяг / В. Н. Гартевельд. – Москва: Книгоиздательство «Польза» В. Антик и Ко, 1915. – 64 с.

[7] Трубицына, В. В. Народные тюремные песни и их жанровые модификации в литературе XIX–XX веков / В. В. Трубицына // Пушкинские чтения. – 2012. – № XVII. – С. 59–65.

[8] Битиева, М. Арго криминального мира / М. Битиева // Lingua – universum. – 2009. – № 1. – С. 66–69.

[9] Фетисова, Т. А. Песнь о моей Мурке: история великих блатных и уличных песен / Т. А. Фетисова, А. А. Сидоров // Вестник культурологии. – 2011. – № 3. – С. 161–170.

[10] Свиридов, С. В. Блатная песня: герой и сюжет / С. В. Свиридов // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2013. – № 3. – С. 75–84.

[11] Кравчинский, М. Э. Песни, запрещенные в СССР. 2-е изд. / М. Э. Кравчинский. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2008. – 258 с.

[12] Бакулина, С. Ю. Правосознание в постсоветской культуре / С. Ю. Бакулина // Вестник Самарского юридического института. – 2010. – № 2. – С. 7–12.

[13] Шерель, А. А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: Очерки / А. А. Шерель. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 331 с.

[14] Глонти, Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе) / Г. Глонти, Г. Лобжанидзе. – Тбилиси, 2004. – 132 с.

[15] Гуров, А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров [Электронный документ] URL: http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/12.htm (дата обращения: 08.11.2024).

[16] Рукавишников, Г. А. О некоторых аспектах подготовки сотрудников оперативных подразделений по использованию конфиденциального содействия граждан / Г. А. Рукавишников, В. Н. Шапочанский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1 (9). – С. 62–65.

[17] Кушхов, Р. Х. Меры предупреждения организованной преступности / Р. Х. Кушхов, М. В. Бозиев // Право и управление. – 2023. – № 3. – С. 173–176.

[18] Грачев, М. А. Изменение законодательной основы противодействия государства и гражданского общества криминальной субкультуре / М. А. Грачев // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 432–440.

[19] Кузьмин, С. И. Formation and development of criminal subculture in Russia / С. И. Кузьмин // Пенитенциарная наука. – 2018. – № 3 (43). – С. 9–16.

Spisok literatury:

[1] Matskevich, I. M. Mify prestupnogo mira / I. M. Matskevich. – Moskva: Prospekt, 2014. – 365 s.

[2] Shalagin, A. E. Kriminal'naya sreda i ee obshchestvennaya opasnost' / A. E. Shalagin // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 2 (2). – S. 36–41.

[3] Shalagin, A. E., Tyuremnyy fol'klor v kontekste kriminal'noy subkul'tury / A. E. Shalagin, O. N. Khrustaleva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – T. 8. – № 4. – S. 46–53.

[4] Belogrits-Kotlyarevskiy, L. S. O vorovstve i krazhe po russkomu pravu. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. Vypusk 1 / L. S. Belogorits-Kotlyarevskiy. – Kiev, 1880. – 380 s.

[5] Gurov, A. I. Krasnaya mafiya / A. I. Gurov. – M.: Kommercheskiy vestnik, 1995. – 352 s.

[6] Garteveld, V. N. Pesni katorgi. Pesni sibirskikh katorzhan, beglykh i brodyag / V. N. Garteveld. – Moskva: Knigoizdatel'stvo «Pol'za» V. Antik i Ko, 1915. – 64 s.

[7] Trubitsyna, V. V. Narodnye tyuremnyye pesni i ikh zhanrovye modifikatsii v literature XIX–XX vekov / V. V. Trubitsyna // Pushkinskie chteniya. – 2012. – № XVII. – S. 59–65.

[8] Bityeva, M. Argo kriminal'nogo mira / M. Bityeva // Lingua – universum. – 2009. – № 1. – S. 66–69.

[9] Fetisova, T. A. Pesn' o moey Murke: istoriya velikikh blatnykh i ulichnykh pesen / T. A. Fetisova, A. A. Sidorov // Vestnik kulturologii. – 2011. – № 3. – S. 161–170.

[10] Sviridov, S. V. Blatnaya pesnya: geroi i syuzhet / S. V. Sviridov // Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent. – 2013. – № 3. – S. 75–84.

[11] Kravchinskiy, M. E. Pesni, zapreshchennyye v SSSR. 2-e izd. / M. E. Kravchinskiy. – Nizhniy Novgorod: DEKOM, 2008. – 258 s.

[12] Bakulina, S. Yu. Pravosoznanie v postsovetskoy kul'ture / S. Yu. Bakulina // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2010. – № 2. – S. 7–12.

[13] Sherel', A. A. Audiokul'tura XX veka. Istoriya, esteticheskie zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu: Ocherki / A. A. Sherel'. – M.: Progress-Traditsiya, 2004. – 331 s.

[14] Glonti, G. Professional'naya prestupnost' v Gruzii (vory v zakone) / G. Glonti, G. Lobzhanidze. – Tbilisi, 2004. – 132 s.

[15] Gurov, A. I. Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost' / A. I. Gurov [Elektronnyy dokument] URL: http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/12.htm (data obrashcheniya: 08.11.2024).

[16] Rukavishnikov, G. A. O nekotorykh aspektakh podgotovki sotrudnikov operativnykh podrazdeleniy po ispol'zovaniyu konfidentsial'nogo sodeystviya grazhdan / G. A. Rukavishnikov, V. N. Shapo-chanskiy // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2019. – № 1 (9). – S. 62–65.

[17] Kushkhov, R. Kh. Mery preduprezhdeniya organizovannoy prestupnosti / R. Kh. Kushkhov, M. V. Boziev // Pravo i upravlenie. – 2023. – № 3. – S. 173–176.

[18] Grachev, M. A. Izmeneniye zakonodatel'noy osnovy protivodeystviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva kriminal'noy subkul'ture / M. A. Grachev // Yuridicheskaya tekhnika. – 2023. – № 17. – S. 432–440.

[19] Kuz'min, S. I. Formation and development of criminal subculture in Russia / S. I. Kuz'min // Penitentsiarnaya nauka. – 2018. – № 3 (43). – S. 9–16.

